

восходом солнца», но подспудно пронизывающих все его творчество, не исключая комических рассказов. Я позволю себе отослать читателя к этим работам⁴, а здесь лишь кратко суммировать суть такого подхода монтажом из высказываний самого Зощенко:

«Как говорится, и скучно, и грустно, и редко кому руку можно пожать. В минуту душевной невзгоды» [1, т. 1, с. 529].

«Не жизнь создала искусство, а искусство создает жизнь... Прежние творцы воспроизводили „вещи“, а новые творцы воспроизводят свои душевные состояния» [22, с. 109—114].

«В психической жизни две основные эмоции — страх и радость» [22, с. 118].

«Этот путь нашел отражение в моей литературе... страх и желание уничтожить его...» [1, т. 3, с. 586].

«И повести и мелкие рассказы я пишу одной и той же рукой» [23, с. 585].

Возвращаясь в этом свете к нашему рассказу, я полагаю, что его идейную структуру можно выявить, подойдя к нему не как к фельетону на тему общественных нравов, а как к воплощению волнующих автора личностных проблем, представленных, выражаясь по-гоголевски, «в разжалованном виде из генералов в солдаты».

Букет мотивов, высвеченных интертекстуальными параллелями к ДП, характерен для Зощенко. Тут и общая озабоченность «душевным состоянием», и «страх», и «сознание вины»⁵, и «фиксация на нищем»⁶, и «грозный антагонист» с его «карающей рукой»⁷, и «идиллическая мечта» об избавлении от этих фобий и обретении здоровой простоты, в частности с помощью искусства⁸. Загадочная особенность рассказа в том, что и в этом плане он предстает как бессобытийный.

Действительно, душевные переживания не принимают здесь клинических масштабов, как в других рассказах (например, во «Врачевании и психике», 1933)⁹, а сводятся к восторгам по поводу шагания «душа в душу». Боязнь нищего и амбивалентное самоотождествление с ним, богато разработанные в аутопсихоаналитической повести и ряде рассказов («Нищий», «Няня» и др.), оставляют свой след лишь во фразе «засмотрелся на нищего» (хотя и интригующей самой по себе и даже повторенной после нерешительного отрицания: «или, может быть, на извозчика»). А сознание вины, в духе навязчивой темы «я сам виноват»,

⁴ См. [12, с. 331—339; 7, с. 288—313; 13—15]. Об аутопсихоаналитичности повести см. [16—18], а о ее переключке с комическими рассказами — [19—21].

⁵ «Я не виноват», «Я сам виноват» — заголовки двух фрагментов «Перед восходом солнца».

⁶ «...Тогда я перелистал свои сочинения, книги. Нет сомнения, тема нищего меня весьма интересовала. Но это был [казалось бы] нормальный интерес литератора к социальному явлению... [С]нова передо мной был образ нищего. Однако на этот раз нищий был я сам... И вот почему образ нищего устроил меня» [1, т. 3, с. 588, 591]. О теме «нищего» см. подробно [14].

⁷ О «карающей руке» см. подробно [13, 15].

⁸ «Культурные», в частности «театральные» начинания и их «провал» — инвариантный мотив Зощенко (см. [5, 7, с. 154—176]). Именно такова конспективно заданная в начале рассказа роль «негритянской негроперетты»: «Так эти негры очень... хвалили нашу культуру и вообще все начинания». Из более специфических потенциальных соотношений между сюжетом рассказа и «опереточной» заставкой к нему можно назвать: «душевность» — негры поют не что иное, как «спиричуэлс»; «ножной» элемент — негры виртуозно танцуют; и... свадебно-эротические мотивы, начисто удаленные из зощенковского рассказа, если не считать характерной для Зощенко архетипической ситуации «страха перед мужчиной-соперником». О зощенковском амбивалентном стремлении к «варварской простоте» см. [7, с. 154—176].

⁹ Вопрос о переключке этого рассказа с «Перед восходом солнца» поставлен в пионерской в этом смысле работе фон Вирен [19].